

Министерство образования РФ
РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Л. Григорьян

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА
(пособие по курсу “Общее языкознание” для студентов 4 курса
отделения романо-германской филологии)

Ростов-на-Дону
2003 г.

Печатается по решению кафедры общего и сравнительного языкознания.

Рецензент – д.ф.н., профессор В.И. Дегтярев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие предназначено для студентов 4 курса отделения романо-германской филологии, изучающих курс “Общее языкознание”, а также для слушателей спецкурса “Основы сопоставительной лингвистики и типологии” и для аспирантов по специальности 10.02.19 при подготовке к кандидатскому экзамену.

Данная тема, хотя без нее немислима современная лингвистика, не включена в существующие учебники по лингвистическим дисциплинам. Пособие представляет собой первую ступень в овладении темой, программуминимум, предполагается последующее ознакомление с литературой.

В пособии тема дана выборочно, с прицелом в первую очередь на те разделы, которые в том или ином виде могут быть полезны для будущих переводчиков и преподавателей иностранного языка. После каждого раздела даются контрольные задания для самопроверки и для более глубокого усвоения темы.

Примечания и приложения не входят в обязательный минимум. Раздел “Сопоставительная стилистика” предназначен для слушателей спецкурса.

Литература, приводимая в конце пособия, дает более полное и разностороннее представление о лингвистической прагматике. Основной список дополняет и углубляет те сведения, которые даны в пособии. Дополнительный список освещает более широкий круг вопросов.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА

ВВЕДЕНИЕ

Один из основоположников общей семиотики Ч. Моррис в конце тридцатых годов XX века выделил три аспекта знака – синтактику, семантику и прагматику. **Синтактика** определяет отношение знака к другим знакам, **семантика** – отношение знака к тому, что он обозначает, **прагматика** – отношение знака к тому, кто им пользуется.

Иначе говоря, семантика высказывания связана с обозначаемой в высказывании ситуацией, тогда как прагматика определяется не содержанием сообщения, а конкретными обстоятельствами коммуникации: говорящим, слушающим (адресатом), пространственными и временными параметрами коммуникативной ситуации и т.п.

Ср., например, предложения: (1) *Они заплатили всего 500 рублей*, (2) *Они заплатили **целых** 500 рублей*. Эти предложения сообщают об одном и том же реальном факте (*Они заплатили 500 рублей*), т.е. с точки зрения семантики они тождественны. В то же время в первом случае говорящий считает, что 500 рублей – это мало, а во втором – что это много.

Или другой пример. Э. Сепир (в ином контексте) отмечает, что если человек называет собаку “ав-ав”, это значит, что его собеседник – ребёнок; если человек вместо *you* говорит *thee*, это значит, что он квакер; но ни ребё-

нок, ни квакер в предложении не упоминаются и не являются частью содержания высказывания.

Значения некоторых языковых единиц, например, *я, ты, это, здесь, сейчас* полностью определяются ситуацией речевой коммуникации. *Я* (т.е. говорящий) – это каждый раз другой человек, так же, как *ты; здесь* в разных высказываниях называет не одно и то же место (в отличие, например, от указаний типа *в Москве, в 25 аудитории* и т.п.).

Такого рода слова и категории О. Есперсен назвал **шифтерами**, их содержание меняется от ситуации к ситуации и от текста к тексту. Шифтерными категориями являются, например, лицо глагола (употребление форм лица в этом плане аналогично употреблению личных местоимений), время глагола: настоящее время характеризуется совпадением с моментом коммуникации, прошедшее – предшествованием этому моменту, и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Есперсен включал в число шифтеров более широкий круг единиц, все значения, содержащие указание на отношение, в частности, такие слова, как *друг, враг, свои, чужие, домой, дома* и мн.др. Характерно, что дети усваивают употребление таких слов сравнительно поздно; ребёнок не сразу воспринимает, что для других людей *мама* – не тот же человек, что его мама, и т.д.

Явления, связанные с прагматическими факторами, т.е. с говорящим, адресатом сообщения и ситуацией коммуникации, достаточно разнородны, разноплановы и затрагивают широкий спектр языковых явлений разных уровней. Прагматический элемент может входить в лексическое значение слова, в значения грамматических категорий и синтаксических структур, в частности, отражается в актуальном членении предложения, т.е. структурировании информации с точки зрения ее известности/новизны или степени важности для говорящего или слушающего. Так, предложения *Птица летит* и *Летит птица* называют идентичные факты, т.е. семантически они тождественны, но при этом они по-разному структурируют эту информацию, квалифицируя один ее фрагмент как данное (т.е. известное), а другой как новое или как коммуникативно более значимое. К прагматическому уровню относятся и стилистика, т.к. выбор определенного стиля, тех или других языковых средств вытекает из характера конкретной коммуникативной ситуации: является ли общение официальным или непринужденным, являются ли собеседники близкими людьми или малознакомыми, равны ли они по возрасту и социальному статусу; выбор стилистических средств определяется также коммуникативными задачами, необходимостью воздействовать на адресата определенным образом. Лингвистическая прагматика рассматривает также нормы и стратегии речевого поведения, и в этом плане она смыкается с лингвокультурологией, социолингвистикой, этнолингвистикой и другими смежными областями.

ДЕЙКСИС

Дейксис (греч. δεЯойт – указание; термин встречается еще у стоиков и в Александрийских грамматиках) охватывает указательные слова и категории. Их можно сравнить с указательными жестами. Такие слова не имеют закрепленного за ними содержания: оно определяется каждый раз исходя из обстоятельств конкретного речевого акта. Таковы местоимения (*я, ты, он, этот, тот, кто-то* и др.), местоименные наречия (*здесь, там, тогда, сейчас, теперь, потом*), многие частицы (*вон, вот*); дейктический элемент также может входить в лексические значения слов или грамматические значения (что будет рассмотрено ниже). Вне конкретной ситуации эти слова не значат ничего. *Он* – это каждый раз другой человек или предмет, в зависимости от того, на кого или на что указывает говорящий (так же как *я* и *ты* относятся каждый раз к разным людям); *там* – может называть любое место, но обязательно удаленное от говорящего (в отличие от *здесь*); слово *сегодня* не закреплено за конкретной датой, а каждый раз относится к разным дням (конкретно – к дню данной коммуникации); *завтра* – это следующий день после *сегодня* и т.д. Этим подобные указания отличаются от объективного способа описания – указания даты, точного времени и т.д.

Ср. (1) *Он будет здесь завтра в это же время* – где все указания дейктичны, и вне конкретной ситуации общения это предложение не может быть осмыслено, и (2) *Профессор Иванов будет в 39 аудитории 24 января в 2 часа дня* – где те же указания даны “объективно”, т.е. без использования дейктических показателей.

Характерно, что в дейктических системах любого языка главной точкой отсчета является сам говорящий, и в этом проявляется **эгоцентризм** языка. Основные ориентиры **я** – *здесь* – *сейчас*, т.е. сам говорящий – его местонахождение в момент коммуникации – момент коммуникации. Точно так же ориентированы на говорящего такие указатели, как *ты* – адресат сообщения, *этот, тот* (т.е. близкий к говорящему – удаленный от говорящего), *там, сюда* и под., *справа, слева, вверх, вниз, вперед, назад* в типичном случае значат “справа от говорящего” и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Содержание указателей *здесь* и *сейчас* достаточно растяжимо в плане охвата пространства и времени. Так, *здесь* может обозначать, условно говоря, ту точку, где находится говорящий (*здесь дует* – т.е. “где я стою”), комнату (*здесь сейчас будет лекция*), здание (*здесь не топят*), город, регион (*здесь зимы холодные*), всю страну (*здесь никогда не будут выпускать хорошие автомобили*), всю планету или даже всю вселенную (в устах верующего – в смысле “на этом свете” – *за все содеянное здесь ты ответишь в другой жизни*). Точно так же *сейчас* может обозначать не только момент речи, но и сколь угодно длительный период времени, включающий момент речи, а также время, близкое к моменту речи: *сейчас она придет; о чем это вы сейчас говорили?*

Временной дейксис во многом аналогичен пространственному дейксису: время в большинстве языков мыслится в тех же образах, что и простран-

ство, а значительная часть пространственной лексики приложима и ко времени, ср. *далекые края – далекие годы*, временные значения многих наречий и предлогов также восходят к пространственным: *в, до, перед* и т.д. (Б.Л. Уорф отмечал в этом плане специфику языка хопи, где время **не** мыслится в терминах пространства). Однако в представлении времени есть свои особенности – время **асимметрично** и мыслится как **направленное** из прошлого в будущее. Самой распространенной является т.н. “модель путника”: будущее представлено как находящееся впереди, а прошлое – сзади: *Позади остались годы лишений, впереди его ждала слава*.

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Д.С. Лихачев отмечает иное представление о времени в древнерусском языке: предки, т.е. бывшие раньше, находятся впереди нас, а мы следуем за ними. В “Повести временных лет” встречается: *“Переднюю славу похитим, а заднюю сами поделим”* (решают князья), т.е. “Прошлую славу присвоим, а будущую поделим между собой”. Отголоски такого видения времени можно наблюдать и в современном русском языке (правда, на его периферии). Так, используемое в разговорной речи во временном значении слово *вперед* обнаруживает двойственность, оно может обозначать как будущее (аналогично *впредь*: *вперед не сердь меня, это мне вперед наука*), так и прошлое (*вперед подумай, потом отвечай*). Правда, по словарю С.И. Ожегова употребление *вперед* в значении ‘раньше’ не является нормативным.

Асимметрия временной ориентации связана с направленностью времени из прошлого в будущее. *Ближайший четверг* обозначает “ближайший будущий”: даже если о ближайшем четверге говорится в пятницу, то имеется в виду не тот четверг, который был накануне, хотя он самый близкий по времени, а четверг на следующей неделе.

Дейктические системы различных языков обнаруживают определенное сходство: они все эгоцентричны, все различают 1 и 2 лицо, т.е. говорящего и адресата сообщения, но в то же время они не совпадают. Например, в русском языке (как и в английском, немецком и многих других) представлены бинарные противопоставления: *здесь – там, этот – тот*. Во многих языках представлена тройная система, как в латыни: *hic – iste – ille*, т.е. ‘близкий к говорящему’ – ‘близкий к слушающему’ (или ‘относящийся ко второму лицу’, иногда переводится как “твой”) – ‘удаленный от говорящего и слушающего’; в сербо-хорватском *ovaj – taj – onaj*, в японском *kono – sono – ano*.

Пространственный дейксис может опираться не только на степень удаленности от говорящего/слушающего, но также различать видимые/невидимые (т.е. находящиеся вне поля зрения) объекты, существующие в настоящем/ существовавшие в прошлом, подвижные/неподвижные и т.п. В качестве примера очень сложной и дифференцированной системы можно привести указательные местоимения эскимосского языка:

тана ‘этот рядом’, *туна* ‘тот близкий’, *игна* ‘тот в отдалении’, *мана* – ‘тот в окружающей местности’, *кана* ‘тот у выхода, у воды, на воде, в кругу’, *тикна* ‘тот выше, на возвышенности, в стороне от моря’, *укна* ‘тот, прибли-

жающийся’, *агна* ‘тот, проходящий стороной, удаляющийся’, *икна* ‘тот на другой стороне, за оврагом, за рекой, за проливом’, *агна* ‘тот снаружи’, *угна* ‘тот у входа, у порога’, *пагна* ‘тот внутри страны, далеко от берега’, *уныгна* ‘тот на берегу, на горизонте, ниже говорящего’, *памна* ‘тот наверху, на горе, позади’, *самна* ‘тот под низом, в сенях, на южной стороне’, *амна* ‘тот за пределом, невидимый, но известный’, *акымна* ‘тот снаружи’ (несколько ближе, чем *агна*), *амна* ‘тот внутри’, *имна* ‘тот невидимый, неизвестный, тот в прошлом’, *пакымна* ‘тот на возвышенности’, *пигна* ‘тот недалеко позади’, *акымна* ‘тот на другой стороне, невидимый’ и др. (В различных эскимосско-алеутских языках и их диалектах число указательных местоимений составляет от 20 до 25 слов, без учета форм двойственного и множественного числа).

Как видно из примеров, помимо позиции говорящего пространственный дейксис может дополнительно использовать другие ориентиры, например море, берег, различать положение внутри/вне помещения, вверху/внизу и т.п.

В различных языках роль отдельных параметров не одинакова. Так, для русского языка указания типа *вверх*, *вниз* ориентируются как на положение человека в пространстве, так и на положение относительно поверхности земли. Это видно в некоторых примерах. Если представить себе, что человек лежит на кровати и читает газету, а дальнейшее описывается предложением *Он бросил газету вниз*, по-русски в таком контексте *вниз* значит “под кровать”, но во вьетнамском языке в аналогичном предложении *вниз* значило бы “в ноги”. Таким образом, в русском языке при расхождении двух упомянутых ориентиров важнее оказывается поверхность земли, а во вьетнамском – положение тела человека.

Хотя я, т.е. говорящий, играет в дейктических системах доминирующую роль, возможны и другие точки отсчета. Дейксис может быть ориентирован и на адресата, как в командах: “*Направо! Налево! Вперед! Назад!*” – или если человек объясняет дорогу: “*Пойдете прямо, сверните направо, пройдете вперед, слева будет магазин*”, где направление и местоположение указываются не относительно говорящего, а по отношению к собеседнику.

Точкой отсчета может быть и третье лицо, ср. “он пошел вперед”, “он посмотрел направо”. Но безусловно приоритетной точкой отсчета является сам говорящий.

Наконец, дейксис может ориентироваться не на ситуацию коммуникации, ее время и место, а определяться относительно других моментов и объектов: ср. *вчера* (ориентировано относительно момента речи) и *накануне* (относительно какого-либо дня вне связи с моментом речи); *завтра* и *на следующий день*, английское *ago* и *before*: *a week ago* – за неделю до момента речи, а *a week before* – за неделю до какого-либо другого момента. Характерно, что в косвенной речи, где меняется говорящий субъект, заменяются все дейктические показатели, по крайней мере в английском языке это правило жесткое. То же можно отметить в отношении некоторых видо-временных форм в тех языках, где есть согласование времен: англ. *Past Perfect* и *Future Perfect*, так же как латинские плюсквамперфект и будущее II, указывают время не

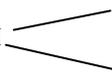
относительно момента речи, а относительно другого события в прошлом или в будущем; в древнегреческом языке существовало также будущее III, т.е. будущее по отношению к другому будущему событию.

Так как основным ориентиром может быть не только говорящий (как в типичном случае), в лингвистике также используется термин **наблюдатель** для лица, с позиции которого представляется ситуация. Фактор наблюдателя исключительно важен для определения содержания многих языковых единиц и категорий. Это относится не только к рассмотренным выше местоимениям и наречиям, указывающим время, место и направление. А.М. Пешковский писал о необходимости включения наблюдателя в описание значений некоторых предлогов: так, *за рекой* значит “по другую сторону от наблюдателя, на противоположном по отношению к наблюдателю берегу”. Другое значение предлога *за*, по А.М. Пешковскому, “более отдаленная сторона по отношению к другому лицу: “Он спрятался *за дерево*”. Предложение “Мальчик вышел *из-за ширмы*” (пример Ю.Д. Апресяна) предполагает, что наблюдатель находится по другую сторону ширмы и видит появление, а не исчезновение мальчика.

Дейктический компонент, явно или скрыто, содержится в лексических значениях многих слов. В этом плане характерно различие между английскими глаголами *come* и *go*, не всегда очевидное для изучающих английский язык. *Come* указывает на движение, направленное к наблюдателю, а *go* – от наблюдателя. Именно по этой причине возможно *He came up to me*, но не *He went up to me*. Предложения *John came up to the door* и *John went up to the door* оба соответствуют русскому “Джон подошел к двери”, но первое предложение подразумевает, что Джон двигался по направлению к говорящему/наблюдателю, т.е. наблюдатель находился ближе к двери, во втором же случае подразумевается, что Джон двигался в направлении от наблюдателя.

Дейктичны многие грамматические категории, в частности, уже упоминавшаяся категория времени, а также категория глагольного вида. Ср. (1) *Тропа обрывает алась у реки. Дорога поворачивала улеса.* (2) *Тропа оборвала алась у реки. Дорога повернула улеса.* Предложения (1) констатируют положение вещей, в (2) ситуация показана с точки зрения наблюдателя, идущего (или едущего) по тропе (по дороге).

В повествовательном тексте нередко представлен т.н. **мысленный дейксис**, или **нарративный дейксис**. Ср.

Он поехал в Рим

 Здесь он пробыл два дня.
 Там он пробыл два дня.

В первом случае рассказчик мысленно переносится в место нахождения объекта (Рим), и дейксис ориентируется на эту точку. К. Бюлер использует термин **транспозиция** (*Versetzung*) в смысле сдвига точки отсчета, когда повествователь описывает событие не с той точки зрения, с которой реально его наблюдает. Ср. также: *В отроческие годы Булгаков становится страстным, увлеченным читателем. Он открывает для себя Гоголя, которого б у д е т*

боготворить всю жизнь. Хотя повествование ведется о прошлом, точкой отсчета становится не то время, когда автор создавал текст, а отроческие годы Булгакова, о которых идет речь в повествовании: отсюда и употребление *Praesens historicum*, и форма будущего времени. Другой пример сдвига точки отсчета, связанный не с пространственным и временным, а с персональным дейксисом: “Ох, как бы я хотела, - зашептала она, – чтобы Иван Васильевич увидел, как артистку истязают перед репетицией!” (М. Булгаков). *Артистка* употреблено вместо *я*, неопределенно-личное *истязают* вместо *вы истязаете* в связи с попыткой представить ситуацию со стороны, т.е. с точки зрения Ивана Васильевича, а не с позиции говорящей, которая названа в третьем лице.

Наряду с пространственным и временным, существует также **текстовой дейксис**, т.е. система указателей-отсылок к другим местам такого же текста. В лингвистике в этом значении чаще используется термин **анафора** (греч. ‘отсылка’); это одно из средств поддержания связности текста. Таковы текстовые функции многих местоимений и других указательных или отсылочных слов (*выше, ниже, далее, ранее* – применительно к предшествующим и последующим элементам текста, *вышеупомянутый, вышеуказанный, нижеследующий, следовательно, итак, то есть, таким образом* и т.д.). Также анафоричны слова *да* и *нет*, т.к. имеют значение только в связи с предшествующим вопросом. Анафорическую функцию выполняют и артикли, т.к. отсылают к прежним упоминаниям того же объекта в тексте, ср. (из учебника английского языка для малышей): *Here is a pig. The pig is big. There is a doll. The doll is small.*

ПРИМЕЧАНИЕ 4. Анафора может как указывать на кореферентность, т.е. тождество упоминаемых объектов, так и на их однотипность: *У тебя дети в школе, а у меня они ходят в детский сад* – в данном примере референты слов *дети* и *они* не совпадают, имеются в виду не одни и те же дети, местоимение просто заменяет повторяющееся слово. Ср. англ. *He bought a large painting but I'd prefer a small one.*

Возможна также т.н. **нулевая анафора**, когда указательное слово отсутствует, но именно его невыраженность указывает на кореферентность: *Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но еще хуже стало. Бросил. На третий день сел писать письмо в районную газету* (Шукшин). Во всех предложениях, кроме первого, не выражено подлежащее, но само нулевое подлежащее свидетельствует о кореферентности субъекта, т.е. во всех случаях это Иван. (Ср. с обычной анафорой *...он* пробовал напиться...).

ПРИМЕЧАНИЕ 5. Термин **анафора** также употребляется в более узком значении как отсылка к упомянутому прежде в отличие от **катафоры** – отсылки к последующему элементу текста: *ясно одно – я должен уехать; Вот*

что я вам скажу... По воспоминаниям его учителей, Г а г а р и н был способным учеником.

В.Г. Гак, основываясь на сопоставлении русских и французских текстов и их переводов, делает вывод о большей распространенности катафоры во французском языке по сравнению с русским: *Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась* (Тургенев) – *Quand elle parlait, Katia avait un sourire charmant.*

Естественно, в любом языке отсылки к предшествующим элементам текста распространены гораздо более, чем отсылки к последующим элементам. Исследования детской речи свидетельствуют, что дети довольно поздно и не без труда начинают воспринимать катафору (в отличие от анафоры в узком смысле этого термина): катафора существенно труднее для восприятия, что подтверждается также психолингвистическими экспериментами.

ПРИМЕЧАНИЕ 6. Наряду с пространственным, временным и дискурсивным (т.е. текстовым) дейксисом, Ч. Филлмор также выделяет социальный дейксис, который включает систему форм вежливости, т.к. показатели вежливости являются индикаторами социального статуса участников коммуникации: более высокий/более низкий/равный, свой/чужой. Так, русское обращение на *ты* или на *вы* отражает социальный статус собеседников, сюда же можно отнести обращение по имени, по имени-отчеству, по фамилии, а также обращения типа *гражданин, товарищ, господин*; в прошлом – обращения типа *Ваше Величество, Ваше Сиятельство* и т.д. Императив на *-ка* может употребляться в отношении равных и низших, но не высших (старших); так, ученики не могут сказать учителю: “Повторите-ка домашнее задание”. В этом плане дифференцированы и другие формы императива, ср. *Встать! Встаньте! Молчать! Замолчи!* В языке самоа существуют вежливые эквиваленты (иногда с градацией) для обозначения частей тела, действий, предметов обихода, терминов родства. Так, глагол *tautala* ‘говорить’ – нейтральный; есть более вежливые глаголы с тем же значением: *felalai* – об ораторе, *fofoŋa* – о вожде, *malele* – о вожде высокого ранга. Довольно сложна японская система форм вежливости, затрагивающая не только лексику, но и грамматику: существуют нейтральные и более вежливые формы прошедшего времени, условного наклонения и т.д. Кроме того, существуют гонорифические, т.е. вежливые, суффиксы и префиксы, а также гонорифические глаголы, употребляемые при учтиво-вежливом стиле общения и заменяющие самые употребительные глаголы: ‘видеть’, ‘слышать’, ‘идти’, ‘приходить’, ‘говорить’, ‘нравиться’ и т.д.; они могут быть уподоблены некоторым русским “вежливым”, “почтительным” глаголам, типа *лицезреть, пожаловать* и под. В настоящее время учтиво-вежливые формы употребляются в основном обслуживающим персоналом в разговоре с клиентами. Существуют в японском языке и “скромные” эквиваленты тех же глаголов, которыми говорящий называет свои действия при учтиво-вежливом стиле общения. Также различаются термины родства в зависимости от того, упоминает ли говорящий своих

родственников или чужих, в последнем случае употребляется вежливое название.

В то же время большинство лингвистов не относит подобные явления к дейксису, т.к. социальные отношения не связаны непосредственно с моментом речи.

К О Н Т Р О Л Ь Н Ы Е   З А Д А Н И Я

ЗАДАНИЕ 1. Из перечисленных ниже указать дейктические единицы (и единицы с дейктическим элементом значения), докажете их дейктический характер.

Столько, много, отсюда, вблизи, за границей, под деревом, из-за леса, вверху, свой, иначе, утром.

ЗАДАНИЕ 2. Замените дейктические элементы в следующем высказывании на недейктические (“объективные”).

Мы встретимся здесь ровно через год.

ЗАДАНИЕ 3. В следующих примерах укажите на анафорические элементы текста и те единицы, к которым они отсылают:

1. Дворянин, у которого нет ничего...почетнее отца моего. Отец мой снимает перед ним шляпу, а тот и не смотрит на него.

2. Бета-блокаторы не должны применяться одновременно с веропомилом, и ни тот, ни другой препарат не должен приниматься в течение нескольких дней после приема другого препарата.

3. (fr.) On regarde une femme savante comme on fait une belle arme (La Bruyere).

4. La bonheur de la femme qu'il aime, quand ce bonheur vient d'un rival, est un torture pour un jaloux (A. Dumas).

5. Vous remettrez la valise de ma tante a son mari et sa clef a leur fils.

ЗАДАНИЕ 4. Подобрать примеры собственно дейктического (ситуативного) и анафорического употребления следующих слов.

Здесь, этот, тот, тогда, сюда, вот.

ЗАДАНИЕ 5. Приведите примеры своеобразия дейктических систем в языках мира, пользуясь статьями [12] – [14] из списка литературы или другими источниками.

Р Е Ч Е В О Е   П О В Е Д Е Н И Е И   Р Е Ч Е В Ы Е   К О Н В Е Н Ц И И

Языковое высказывание не только описывает некую внеязыковую ситуацию, но и является средством воздействия на адресата. Высказывание может рассматриваться как действие говорящего, и, как любое действие, оно имеет свою цель, способ осуществления и результат. Согласно теории речевых актов, основы которой были заложены в середине пятидесятых годов XX века Дж. Остином (J. Austin), каждый речевой акт может рассматриваться в трех аспектах:

- (1) как **локутивный акт**, т.е. произнесение, включая конструирование высказывания по правилам данного языка с определенным смыслом и референцией (т.е. соотносённостью с действительностью) и его озвучивание;
- (2) как **иллокутивный акт**, т.е. выражение определенной коммуникативной цели в ходе произнесения высказывания;
- (3) как **перлокутивный акт**, т.е. осуществление воздействия на сознание или поведение адресата или создание новой ситуации (например, объявление войны).

Речевые действия имеют различные иллокутивные функции (illocutionary force; иногда используется и буквальный перевод этого термина – иллокутивная сила). Это может быть побуждение к действию (просьба, приказ и т.д.), совет, вопрос, извинение, угроза, обещание, протест, лесть, хвастовство и т.д. В плане воздействия на слушателя (перлокутивный аспект) высказывание может, например, вызывать гнев или испуг адресата, может убедить его в чем-нибудь, успокоить, рассмешить, отвлечь, оскорбить и т.д. Далее в основном будет рассматриваться иллокутивный аспект речевых действий.

Особую разновидность речевых актов представляет собой так называемые **перформативы**, т.е. высказывания, которые не являются сообщениями о действиях, а само произнесение которых и является осуществлением называемого действия. Например, высказывание *Я клянусь* является не сообщением о клятве, а самим актом клятвы; высказывание *Поздравляю Вас с Новым годом* не сообщает о поздравлении, а само является поздравлением. Аналогично *Прошу слова*, *Благодарю за внимание*, *Признаю свою вину*, *Объявляю заседание закрытым* и т.п. Одни и те же глаголы могут употребляться как информативно, т.е. сообщать о событиях, так и перформативно. Обычным для перформативного высказывания является употребление глагола в форме 1 лица единственного числа настоящего времени: **Обещаю** никогда не опаздывать. Ср. *Он обещает* никогда не опаздывать или *Я обещала* никогда не опаздывать – при изменении формы лица или времени высказывание уже не является перформативным, т.е. представляет собой сообщение об обещании, а не само обещание.

В то же время существуют и другие формы для перформативных высказываний, правда, более редкие, ср. *Объявляется перерыв* (произнесение этих слов и есть объявление перерыва), *Пассажиров просят пройти на посадку* (объявление в аэропорту), *На сцену приглашаются участники конкурса*; *Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны* (объявление в метро).

Для многих типов речевых актов в языках существуют стандартные формы, например, для приветствий, просьб, благодарностей, извинений и т.д. Значение подобных выражений часто не сводится к прямому значению входящих в них единиц, а полностью определяется ситуацией употребления.

Так, английское *How do you do?* хотя по форме является вопросом, представляет собой стандартную формулу приветствия при знакомстве и требует такого же ответа *How do you do?* При дубляже фильмов очень часто это переводится неправильно: “Как поживаете?” – в этом случае переводчик

опирается на семантику, а не на прагматическое значение фразы, и таким образом искажает смысл.

Характерно несовпадение речевых формул в разных языках. Так, по-русски комично звучит фраза героя фильма “Мимино”, когда он говорит по телефону: “Ларису Ивановну хочу”, а между тем в грузинском языке это стандартная форма просьбы позвать человека к телефону. В.Г. Гак приводит случай, как иностранный турист был весьма удивлен, услышав в Испании от брившего его парикмахера: *Quiere Usted tomar café conmigo?* (“Не желаете ли выпить со мной кофе?”). Во-первых, было странно, что парикмахер обращается с таким предложением к клиенту, а во-вторых, было непонятно, как клиент мог пить кофе с намыленным подбородком. Однако оказалось, что на самом деле парикмахер хотел выпить кофе и таким образом просил разрешения прервать работу. Другой пример: русская туристка в Женеве была удивлена, увидев на кассе, продающей билеты на прогулочные катера, объявление об отмене прогулочных маршрутов по причине шторма, которое начиналось словами: “*Nous sommes d'isoles*”, букв. “Мы безутешны”. Такая эмоциональность по столь ничтожному поводу показалась преувеличенной, и лишь потом выяснилось, что это стандартная форма извинения при отказе клиенту, например, при отсутствии товара в магазине. Во всех приведенных примерах прагматика перевешивает семантику, и существенным является не собственное значение выражения, а типовая ситуация, в которой оно употребляется. Сохранение при переводе речевой формулы, характерной для другого языка, может привести к неверной интерпретации текста читателем. Так, в русском переводе Евангелия ответ Иисуса на вопрос Пилата: “Ты царь иудейский?” – “*Ты говоришь*” многими воспринимается как “это твои слова, а не мои”, в то время как эта реплика представляет собой традиционную формулу подтверждения, ср. новый перевод (1992 г.): “Да, как ты и говоришь”.

Говоря об условных (конвенциональных) нормах речевого поведения, В.Г. Гак использует понятие **прагмемы**, т.е. прагматической функции. Одна и та же прагмема в разных языках может воплощаться в разных формах. Возможны и ситуации, когда прагмема представлена в одном языке, но отсутствует в другом. Так, русская формула “Приятного аппетита” и французская *Bon appétit* не имеют соответствия в английском языке. В России принято благодарить хозяйку после обеда, на что следует ответ “На здоровье”, во Франции такого обычая нет, а правила вежливости требуют хвалить блюда по мере их поступления. В литературе отмечается, что японцы извиняются гораздо чаще, чем европейцы, т.е. и в тех случаях, когда европеец или американец счел бы извинение неуместным.

Незнание прагмемы может привести к ошибкам двух типов: (а) в семиологическом плане – неправильная интерпретация высказывания (как в примере *How do you do?* и других), (б) в ономазиологическом плане – неуместное употребление или неупотребление там, где это желательно.

В каждой культуре существуют некоторые привычные условные формы для выражения определенных прагматических функций. Возможны т.н. **косвенные речевые акты** – высказывания, форма которых соответствует

иному типу речевого акта, т.е. закреплена за иной иллокутивной функцией, чем та, которую это высказывание представляет. Так, русское высказывание: “Долго ты еще будешь тут стоять?”, являясь вопросом по форме, по иллокутивной функции соответствует императиву “Уходи”. Во многих языках вежливая просьба выражается в форме вопроса. “Не могли бы вы открыть окно?” является вопросом по форме, но имеет функцию побуждения, как и фр. *Pouvez-vous me passer le sel?* (букв. “Можете ли передать мне соль?”), *Veux-tu descendre la poubelle?* (букв. “Хочешь ли вынести мусорное ведро?”, т.е. “Вынеси, пожалуйста, мусор”). Говоря на неродном языке, люди часто совершают коммуникативные ошибки не по причине плохого знания лексики или грамматики, а именно из-за недостаточного владения нормами речевого поведения. Так, по-английски просьба в форме императива, даже смягченная словом *пожалуйста* (*Shut the door, please*) все равно звучит невежливо.

К правилам речевого поведения относятся и нормы употребления в разговоре некоторых единиц. В одной статье по контрастивной лингвистике приводится эпизод, когда две мексиканские девушки сочли себя оскорбленными, услышав от молодого кубинца, который не был с ними знаком, обращение “ты”. Молодой человек, в свою очередь, был ошарашен столь гневной реакцией, т.к. на Кубе обращение *ты* распространено гораздо шире, чем в Мексике, и в подобной ситуации не свидетельствовало о развязности. Примечательно, что в данном случае речь идет о вариантах одного языка; возможна также социальная дифференциация явлений такого порядка, т.е. расхождение норм в различных социальных группах.

В этом же плане интересен пример из перевода Нового завета: во время свадьбы в Кане Иисус обращается к своей матери: “*Жено!*”, т.е. “женщина”. По-русски это обращение производит странное впечатление и воспринимается как знак отчуждения и даже пренебрежения, указывающий женщине на ее более низкий статус; использование старославянизма не снимает этого эффекта. Однако, как указывает комментарий, все обстоит иначе, и мы должны здесь видеть почтительное обращение к матери: дело в том, что у евреев считалось неприличным при чужих людях обращаться к родителям “папа”, “мама”.

Характерно, что сходные коммуникативные цели в разных языках и культурах могут достигаться разными средствами. В свое время некоторые российские газеты отметили, что “Ельцин и Буш перешли на “ты”. Однако, говоря по-английски, невозможно перейти на “ты”, т.к. английский не различает обращений *ты* и *вы*; в английском языке этому соответствует обращение по имени (*first name*).

Выбор формы обращения может определяться как характером отношений между собеседниками (как в последнем примере), так и условиями коммуникации (в предыдущем примере – присутствие чужих).

Различные способы достижения сходного коммуникативного эффекта можно проследить на материале инвективных стратегий в разных культурах и, соответственно, языках.

Так, весьма распространено употребление бранной лексики, причем ее коммуникативный эффект (т.е. степень сниженности, оскорбительность) напрямую не связан с ее первоначальной семантикой. *Собака* в качестве оскорбления в большинстве европейских языков далеко не самое сильное, в арабском же – одно из самых грубых. Англ. *swine* намного грубее русского *свинья*.

Во многих языках очень распространенная стратегия – уподобление человека животным, как в вышеприведенных примерах, ср. также в русском языке применительно к человеку *морда, рыло, брюхо, лапы (Куда с грязными лапами! Убери лапы!)*; нем. *fressen* вместо *essen*. В итальянском и французском языках (но не в русском!) распространено такое средство, как богохульство, в русском же языке самые грубые ругательства восходят к языческой магии.

Но возможны принципиально иные способы. В японском языке с теми же целями часто применяются не лексические, а грамматические средства: наряду с нейтральными и вежливыми, существуют сниженные грамматические формы прошедшего времени, условного наклонения, грубые формы императива и личных местоимений. При переводе произведений русской литературы (в частности “Поднятой целины” Шолохова) на японский язык лексические средства снижения обычно заменяются грамматическими. Напр., рус. “Пошел к чертовой матери!” – яп. “Немедленно исчезни с глаз моих!”, но с грубой формой императива; рус. “Сдурел ты, такую твою!” – яп. “Эй, ты, с ума, что ли, сошел!”; рус. “Не будут восставать, б...” – яп. “Если так, то эти мерзавцы никакого бунта уже не поднимут”, но при этом употребляются сниженные глагольные формы и прямая речь вводится маркированным глаголом, приблизительно “выдал”, “сказанул”.

С той же коммуникативной целью возможен переход к менее высокому или просто грубому стилю в тех восточных языках, где существует четкая и подробная иерархия стилей речевого общения. Например, в яванском языке существует шесть форм обращения, т.е. шесть разновидностей языка (с более подробным разделением внутри каждой); употребление той или иной формы зависит от социального и служебного положения людей или от их возраста. Переход на более низкую ступень уже звучит оскорбительно – при этом вовсе не обязательно употреблять какие-либо бранные слова и выражения! В феодальные времена такие переходы со стороны простолюдина наказывались смертной казнью, а в период голландской колонизации виновных подвергали порке.

Нечто подобное, т.е. оскорбление путем снижения ранга собеседника, наблюдается во вьетнамском языке, где существует богатая и сложная система вокативов в отношении членов семьи, отражающая статус каждого: “младший брат отца”, “старший дядя” и т.д., а также “ты”. Муж обращается к жене “младшая сестра”, жена к мужу – “старший брат”, старший брат может

обратиться к младшему “младший брат” или “ты”, но если младший брат обратится к старшему “ты” (вместо “старший брат”), это уже оскорбление. Обращение “ты” к родителям (вместо “папа”, “мама”) воспринималось бы как грубейшее ругательство. Т.о., оскорблением может служить просто нарушение социальной иерархии, обращение в форме, не соответствующей статусу собеседника, хотя сами по себе эти формы не являются оскорбительными. Некоторые аналогии можно наблюдать и в русском речевом поведении. Так, если подросток обратится к пожилой женщине на *ты* (“А ты, бабка, помолчи”), это уже грубость, хотя само по себе местоимение *ты* грубым не является, и если тот же подросток скажет пятилетнему ребенку: “А ты помолчи”, такое обращение не будет оскорбительным.

Менее распространен в качестве инвективного приема переход на более высокий уровень вежливости, чем того требует ситуация. Так, в русском языке переход с *ты* на *Вы* может быть способом задеть или даже унижить собеседника, или, во всяком случае, является сигналом напряженности отношений. Для японского речевого поведения этот способ также характерен. Например, муж, желая задеть жену, может обратиться к ней с использованием форм вежливости, принятых при обращении к императору.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

ЗАДАНИЕ 6. Употребите следующие глаголы в перформативных и неперформативных высказываниях:

просить, требовать, благодарить, объявлять, предупреждать, запрещать.

ЗАДАНИЕ 7. Приведите примеры косвенных речевых актов.

ЗАДАНИЕ 8. Приведите примеры несовпадения прагмем в разных языках и ошибок, связанных с незнанием прагмем.

ЗАДАНИЕ 9. Приведите примеры использования различных языковых средств для достижения идентичных коммуникативных целей.

ПРИЛОЖЕНИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

Языки различаются как количеством функциональных стилей, так и набором имеющихся стилистических средств и тенденциями в их употреблении.

В числе общих требований для многих языков можно указать на стремление избегать дословных лексических повторов, однако эта тенденция во французском языке выражена заметно сильнее, чем в русском. В.Г. Гак приводит обширный материал из русских текстов и их переводов на французский язык. Ср.

За открытым окном на ветке сидел воробей и держал в клюве сухой лист клена. Мне хотелось поменяться

De l'autre côté de la fenêtre ouverte, un moineau était perché sur une branche, une feuille de frêne sèche dans le bec. J'aurais

с воробьем судьбой. Воробей посмотрел через окно в класс, жалобно пискнул и уронил лист клена (Паустовский).

bien voulu йchanger mon sort contre *le sien*. *L'oiseau* jeta un coup_d'oeil dans la classe, poussa un piaulement plaintif et la feuille lui йchappa.

(воробей – его – птица)

Когда я был гимназистом, я, конечно, писал стихи, такое множество стихов, что за месяц исписывал толстую общую тетрадь. Стихи были плохие... Сейчас я забыл эти стихи. Помню только отдельные строки (Паустовский).

Du temps ощ j'йтais lycйen, bien entendu, j'йcrivais des vers: j'en йcrivais a profusion au point d'en couvrir un gros cahier d'йcolier chaque mois. Ils йtaient mauvais... Je ne me rapelle plus mes *poumes*. Seuls des strophes isolйes me restent en mйmoire.

Он велел, чтобы мы сели на подоконник. Мы сели.

Il exigea que l'on s'assot sur le rebord de la fenetre. Nous *obйomes*.

(букв. Мы подчинились).

Характерно, что в русском тексте данные повторы не воспринимаются как стилистические погрешности, тем не менее французский переводчик предпочел их устранить. Аналогично при переводах с французского языка на русский нередко возникают повторы, отсутствующие в тексте оригинала.

Именно благодаря этой тенденции один и тот же персонаж получает больше наименований во французском тексте, чем в русском (и в случае французского оригинала и русского перевода, и наоборот): имя персонажа – личное местоимение – профессия – ситуативная роль (напр., собеседник, гость и т.п.) – национальность. По этой причине часто употребляются родовые названия (как в вышеприведенном примере *воробей - птица*). Широкое употребление родовых названий связано также с тенденцией французского языка избегать повтора даже отдельных сем.

Ср. (а) Дети *подползли* к краю обрыва

Les enfants *rampaient* jusqu'au bord de la pic.

но (б) Змея *подползла* к норе trou.

Le serpent *s'est approachй* de son

(букв. “приблизилась”)

(а) Мальчик играет с *котенком*

L'enfant joue avec *un chaton*.

но (б) Кошка кормит *котят*.

La chatte allaite ses *petits*.

(букв. “детенышей”, “малышей”)

Хотя во французском языке, как видно из примеров (а), есть слова с более конкретными значениями (котенок, ползти), в примерах (б) используется указание на более общее понятие. Это связано с тем, что конкретная се-

ма уже задана в том же предложении: *змея* однозначно указывает на способ передвижения, точно так же очевидно, какие детеныши у кошки. Т.о., избыточные семы зачеркиваются.

Тенденция к употреблению слов с более общей, родовой семантикой там, где в других языках было бы использовано более конкретное название, интерпретируется многими авторами как проявление общего “абстрактного” характера французского языка.

Сходные приемы могут использоваться в разных языках с разной частотностью. Распространенность или, наоборот, малая употребительность тех или других выразительных средств в ряде случаев может быть объяснена более общими лингвокультурными закономерностями. Такая попытка предпринята А. Вежбицкой в работе “Редупликация в итальянском языке”. Так, повторы разных типов употребляются во многих языках с родственными, хотя и не полностью совпадающими смыслами. Обычно это значение интенсивности или эмфаза (т.е. подчеркивание, усиление выражаемого значения). Однако языки обнаруживают в этом плане различия. В итальянском языке широко распространены редупликации типа *bella bella* (красивая-красивая), *duro duro* (твердый-твердый), *neri neri* (черные-черные), *adagio adagio* (медленно-медленно). Подобные редупликации хорошо знакомы нам по русскому языку, но совершенно невозможны в английском. Надо заметить, что и в русском языке этот прием распространен не так широко, как в итальянском, где возможны даже редупликации существительных: *caffi caffi* (кофе-кофе), т.е. настоящий кофе, а не суррогат, *lana lana* (шерсть-шерсть), т.е. чистая шерсть.

Кроме того, во многих языках употребляются фразовые повторы типа “Входите, входите”, англ. *Come in, come in*. А. Вежбицкая отмечает, что в английском языке этот прием используется значительно реже, чем в итальянском. Это видно из сопоставления переводов художественной литературы:

Ит.	Англ.
<i>Bene, bene, parleremo!</i> (Хорошо, хорошо, поговорим)	-Very well, we'll have our talk! (Очень хорошо, мы поговорим).
<i>Parla, parla!</i> (Говори, говори!)	<i>Go on, speak out!</i> (Давай, говори)
<i>In prigione, in prigione!</i> (В тюрьму, в тюрьму!)	<i>To prison, yes, to prison!</i> (В тюрьму, да, в тюрьму!)
<i>Vedra, vedra!</i> (Он увидит, он увидит)	<i>He'll see, he'll just see.</i>
<i>Ma ascolti, ma ascolti, ma ascolti!</i> (ну слушай)	<i>Listen, listen!</i>

Т.о. английский переводчик отчасти снимает повторы. Возможно, их буквальное воспроизведение придало бы английской речи несвойственный ей напор и эмоциональность.

В итальянском языке, наряду с редупликацией и другими видами экспрессивных повторов, широко употребляются формы превосходной степени в абсолютном значении (т.е. вне контекста сравнения, как выражение высокой степени качества), сочетания с *molto* ('очень'), а также представлена богатая система экспрессивной деривации – уменьшительные и увеличительные суффиксы и другие эмфатические средства. Многие из этого свойственно южнороманским и славянским языкам в целом. А. Вежбицкая видит в этом отражение общей *тенденции к экспрессивному преувеличению* и связывает ее со свободной в выражении эмоций, свойственной южнороманским и славянским культурам.

В английском языке подобные средства или существенно менее употребительны, или вообще невозможны (как редупликация). С другой стороны, для английской речи весьма характерны выражения типа *rather horrible* (довольно ужасающий), *pretty awful* (достаточно ужасный), *fairly enthusiastic* (весьма преисполненный энтузиазма). А. Вежбицкая отмечает невозможность перевода этих фраз на итальянский и польский языки в том смысле, что в переводе они звучали бы нелепо. Надо сказать, что и в русском переводе они выглядят несколько странно. А. Вежбицкая объясняет характерность таких выражений для английского языка *тенденцией к преуменьшению*, т.е. стремлением взвешенно, "тактично", осторожно выразить свою мысль или впечатление, что по-видимому, связано с "табу на открытое выражение эмоций в англосаксонской культуре". Т.о., в итальянском, других южнороманских и в славянских языках действуют иные иллокутивные стратегии, нежели в английском: эмфатическое преувеличение в итальянском и славянских языках в противоположность "осторожному преуменьшению" в английском.

Т.о., специфика употребления определенных выразительных средств может объясняться более общими лингвокультурными особенностями.

Другой пример различий в наборе стилистических средств, представленных в разных языках. Во французском языке практически отсутствует слой поэтической лексики и мало лексических архаизмов: архаичными являются обычно отдельные значения, а не слова. Это создало известную трудность при переводе поэзии русского классицизма на французский язык. В переводе од Ломоносова возвышенная лексика, в том числе старославянизмы, передаются нейтральными французскими словами: *хлад* – *gel* (т.е. мороз), *лютость* – *сгаутий* (жестокость), *посрамить* – *humilier* (унизить), *огнь* – *flamme* (пламя), *предерзкий* – *rebelle* (непокорный). Торжественный стиль создается не лексическими, а грамматическими средствами. Характерен перевод "Памятника" Державина (переводчик – Л. Арагон):

Vent ne le peut briser ni foudre au cours rapide
Le détruire non plus le temps avec son aile.

В переводе стилистический эффект достигается при помощи грамматических архаизмов: отсутствие артикля, место приглагольного местоимения, место сказуемого во второй строке. Эти черты характерны для языка поэзии французского классицизма XVII века.

Соответственно в русских переводах нейтральная лексика французского оригинала нередко передается стилистически маркированной лексикой (подробно см. В.Г. Гак. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 87-91).

В.Г. Гак приводит в числе примеров перевод повести А. Франса “Таис”. Первые страницы, повествующие о жизни монахов-отшельников, написаны в приподнятой манере, что достигается в оригинале прежде всего синтаксическими средствами: “гармонично построенными, неторопливыми фразами, которые своей величавой простотой напоминают стиль священного писания”. В тексте также присутствует специальная лексика, отражающая быт и представления монахов: *sacrements* (таинства), *рйсһй original* (первородный грех), *le siècle* (мирская жизнь), *le cilice* (власяница), *masйrations* (умерщвление плоти) и т.д. В остальном используется общеупотребительная нейтральная лексика. В русском же переводе Е.А. Гунста торжественность стиля достигается в первую очередь употреблением возвышенной лексики, ср. в оригинале *des maisons* (дома) – в русском переводе *обители*, фр. *maladies* (болезни) – р. *немоци*, *l’odeur montait* (запах исходил) – р. *благоухание вознозносилось*, фр. *bvton* (палка) – р. *посох*, фр. *punir* (наказывать) – р. *карать*, фр. *фils* (сыновья) – р. *чада*, фр. *écarter* (отстранить) – р. *отринуть*, фр. *bouche* (рот) – р. *уста* и т.д.

Очевидно, что между изобразительными и выразительными средствами разных языков не может быть полной аналогии. Так, сравнение – широко распространенный прием, однако сравнения и метафоры разных языков не могут быть приравнены. Во-первых, далеко на любой объект может быть основой для сравнения: предмет должен быть широко известен и вызывать предсказуемые ассоциации у носителей данного языка и культуры, при этом они могут не совпадать у носителей разных языков и культур. Многие сравнения при передаче средствами другого языка утрачивают осмысленность или воспринимаются иначе. Так, сравнение из 18 сонета Шекспира *Shall I compare thee to a summer’s day?* (букв. Сравню ли тебя с летним днем?) не может быть воспроизведено при переводе на арабский язык: образ летнего дня вызвал бы ассоциации с палящим зноем, убивающим все живое. В романе Х. Ли “Убить пересмешника” (H. Lee “To Kill a Mocking-Bird”) есть сравнение: рука была широкая *as a bed slat* (как кроватная перекладина). Но такое сравнение ничего не говорит русскому читателю, т.к. он не знает, какие перекладыны у кроватей на американском Юге. В переводе сравнение заменено: “широкая, как лопата”. Кроме того, сравнения и метафоры могут быть привычными, стертыми, а могут быть необычными, авторскими и даже неожиданными. Естественно, чем свежее и оригинальнее сравнение или мета-

фора, тем ярче стилистический эффект. То, что является штампом для одного языка, может восприниматься как нечто оригинальное и выразительное при буквальной передаче на другом языке. Характерный пример приводит переводчик литературы с романских языков Н. Любимов. Когда он встретил в произведении одного латиноамериканского писателя метафору (букв.) “Солнце вырывало отблески ветровых стекол автомобилей”, он воспринял это как смелый и яркий образ, напомнивший ему раннего Маяковского, и только впоследствии, переводя других испаноязычных авторов, переводчик понял, что это расхожий штамп (т.е. “солнце отсвечивало”), и передача этого образа яркой метафорой была неправомерна, т.к. внимание читателя задерживалось на детали, которая никак не была выделена в тексте оригинала.

Наконец, отдельные приемы одного языка иногда невозможно передать какими бы то ни было средствами другого языка. Таково, в частности, использование диалектизмов, которое может служить разным целям, но не в последнюю очередь создает местный колорит, является индикатором местности. Ясно, что невозможно передать средствами другого языка особенности местного говора: донской говор нельзя перевести йоркширским или каким-нибудь другим. Точно так же в переводе пьесы Б. Шоу “Пигмалион” невозможно передать в речи Элизы Дулитл характерные черты говора кокни. В переводе на русский язык сохранены особенности просторечья, сниженной и малограмотной речи (“Кто шляпу спер, тот и тетку пришил”), но по такой речи невозможно определить, что это именно кокни. В переводе можно сохранить несоответствие нормам литературного языка, возможна передача грамматической неправильности, искажение слов литературного языка, варьирование речи по сословному признаку (так, речь солдата отличается от речи офицера), но возможности передачи местного колорита крайне ограничены. В переводах иногда могут сохраняться этнографические диалектизмы с необходимым комментарием. Местный колорит создается описанием незнакомого быта, необычными (для иностранного читателя) личными именами и географическими названиями.

Аналогичную, хотя в какой-то части более разрешимую проблему представляет передача национального колорита языковыми средствами. И в литературе, посвященной иным народам и культурам, и в переводческой практике при передаче инокультурных реалий наблюдаются две тенденции: сохранение, часто в виде экзотизма (обычно требующего комментария) или же замена “своим”, знакомым читателю; в последнем случае теряется национальная окраска. В этом плане характерно различие позиций переводчиков в двух переводах Тургенева на английский язык: классическом переводе Констанс Гарнетт (именно благодаря ее переводам русская литература завоевала популярность в Европе в конце XIX века) и современном переводе Аврил Паймен. К. Гарнетт передает названия русских реалий соответствующими английскими словами: *тарантас* – *coach* (экипаж), *изба* – *hovel* (лачужка), *борщ* – *beetroot soup* (свекольный суп); “*Вы последователь домостроя*” – *You are an advocate of patriarchal despotism* (Вы поборник патриархального деспотизма). В переводе А. Паймен русские названия сохранены (*izba*,

borshch и т.д.), а к слову *домострой* дается комментарий. Переводчица аргументирует свой выбор в одной из статей: во-первых, некоторые из этих слов, например *борщ*, уже освоены английским языком; слово *изба* тоже знают многие, хотя и не все; кроме того, все эти слова (возможно, кроме тарантаса) будут повторяться и в других переводах русской литературы. Во-вторых – и это главное – необходимо сохранить национальный колорит: “Разве *головной платок из кружева* сколько-нибудь передает специфику, не говоря уже о романтике, испанского слова *мантилья*?” – пишет Паймен. Характерно, что в тексте оригинала подобные слова нейтральны, но при переносе в иную языковую и культурную среду становятся маркированными.

ПРИМЕЧАНИЕ 7. В этом контексте интересен пример издания перевода “Метаморфоз” Апулея в серии “Литературные памятники”, М., 1959, где совмещены оба принципа: в тексте перевода названия древнеримских реалий по возможности замещены привычными для русского читателя, в комментарии же (который можно и не читать, но любознательный читатель может с ним ознакомиться) объясняются подлинные реалии, упомянутые в оригинале. Так, например, в переводе дается *колбаса*, в комментарии следует разъяснение: “...в оригинале *tussetum* – особым образом приготовленное мясо, своего рода консервы, которые, по-видимому, готовились сразу в большом количестве хранились на льду и употреблялись по мере надобности. Условно переводится как “колбаса”; в тексте перевода – *булочки*, в комментарии: “...*hamos* – букв. “крючки” – сдобные булочки, загнутые в форме рожка”; в переводе – *дверные петли*, в комментарии – “в противоположность современному устройству дверей, в Древней Греции и Риме к дверным створкам прикреплялись не петли, а стержни (дверные крюки, *cardines*), которые входили в специальные гнезда, устроенные в притолоке и в пороге. Т.о., перевод не вполне точен” (Перевод М.А. Кузмина и А.Я. Сыркина, комментарии С.П. Маркиша).

К О Н Т Р О Л Ь Н Ы Е   З А Д А Н И Я

ЗАДАНИЕ 10. Приведите примеры различий в использовании и осмыслении сходных стилистических средств в разных языках.

ЗАДАНИЕ 11. Приведите примеры использования различных средств для достижения сходного стилистического эффекта в разных языках.

Р Е К О М Е Н Д У Е М А Я   Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 4.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Там же.
3. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
4. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. М., 1995. – (или: Семиотика и инфор-

- матика. Вып. 28. М., 1986; повторно опубликовано в: Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997).
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. М., 1995.
  6. К. Бюлер. Теория языка. М., 1993.
  7. В.Г. Гак. Прагматика, узус и грамматика речи // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998 (или: Иностранные языки в школе. 1982. № 5).
  8. В.Г. Гак. Сопоставительная прагматика // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998 (или: Филологические науки. 1992. № 3).
  9. В.Г. Гак. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
  10. Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. Гл. II, VI, VII.
  11. А. Вежбицкая. Редупликация в итальянском языке // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
  12. Меновщиков Г.А. Выражение категории пространства и времени в эскимосско-алеутских языках // Вопросы языкознания. 1986. № 2.
  13. Федорова О.В. Пространственная типология указательных местоимений дагестанских языков // Вопросы языкознания. 2001. № 6.
  14. Алпатов В.М. Система личных местоимений первого и второго лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений. М., 1980.
  15. Неверов С.В. Позиция слушающего и говорящего в речевой деятельности японцев // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
  16. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Там же.
  17. Ли Тоан Тханг. К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира // Вопросы языкознания. 1989. № 3.
  18. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

РАСШИРЕННЫЙ СПИСОК

19. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
20. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
21. Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1995.
22. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
23. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1988.
24. К.И. Чуковский. Высокое искусство. (Любое издание).
25. Перевод – средство взаимного сближения народов. М., 1987.
26. В.Г. Гак. “Коверканье” или “подделка”? (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. М., 1966.

ПРИМЕЧАНИЯ К СПИСКУ ЛИТЕРАТУРЫ

В основном списке представлена литература, более подробно освещающая положения, рассмотренные в основной части пособия. Следует обратить особое внимание на работы [1] – [5] и [7] – [10]. В [12] – [18] широко представлен материал различных языков, прежде всего своеобразия дейктических систем и норм речевого поведения. В работе [18] рассматривается временной дейксис в русском языке. Для слушателей спецкурса желательно хотя бы частичное ознакомление с этой частью списка.

Дополнительный список представляет более широкий спектр проблематики и более высокий уровень сложности ([19] – [21]). В книге Е.В. Падучевой [21] ч. II рассматривается дейксис применительно к художественному тексту. Работы [22] – [26] затрагивают прагматические аспекты теории перевода (хотя и без термина “прагматика”) и касаются сопоставительной стилистики. Работа [22] рекомендуется в первую очередь изучающим немецкий язык.